

Глава 22

— Подумаешь, обычный уж! И стоило из-за него такой шум поднимать? — вполголоса проворчал кто-то в толпе.

— У кого в доме змей не бывает? Я только вчера у себя старую змеиную шкурку вымел.

Деревня стояла у самого подножия гор, дома сплошь крыты соломой — тут и в каменную усадьбу змея нет-нет да заползёт, дело житейское.

— Ступайте, оденьтесь сначала, — прикрикнул староста Цинь, выпроваживая любопытных из комнаты.

Тот мужик, что опознал ужа, уже ловко сцапал его за загривок.

— Вот и славно, — пробасил он, — как раз хотел настойку на змее сделать, да всё недосуг было.

Зима на дворе, люди только-только согрелись в постелях, а пришлось вскакивать, хватать мотыги да топоры и бежать бог весть куда из-за одной чешуйчатой твари. Те, кто и раньше недолюбливал семейство Ю, теперь и вовсе не скрывали досады.

— С этим Ю Даланом вечно одни неприятности, — сплюнул один из крестьян.

— И не говори. Всего месяц как вернулись, а деревню уже в который раз из-за них лихорадит.

— Повезло им, что они на пруд семьи Тао позарились, — вставил другой. — Юй-гээр парень крепкий, со стержнем. Будь на его месте другой гээр, после таких напраслин впору было бы в реку бросаться, чтобы честный облик доказать.

Селяне, у которых в домах подрастали свои гээры, слушали эти разговоры уже без тени любопытства — в их душах крепла глухая неприязнь к старшему сыну семьи Ю и его жене.

— Совсем совести нет у людей.

— Вот небо их и предупредило, раз змея в постель полезла.

Толпа, ворча и переругиваясь, быстро разошлась. Тао Цинъюй в своей комнате прислушивался к затихающим голосам, и на губах его играла торжествующая улыбка. Всё вышло как по писаному: теперь соседи будут обходить дом Ю за версту.

Он поудобнее устроился под одеялом и прикрыл глаза.

«Может, подкинуть им ещё одну змею? — юноша задумался, посильнее натягивая одеяло. — Если повторить это несколько раз, Ю Далану с женой в деревне и шагу ступить не дадут»

Циньюй перевернулся на другой бок.

«Нет, пожалуй, хватит, — решил он, утыкаясь лицом в подушку. — Если зачастим, люди заподозрят неладное. А этого раза им на всю жизнь хватит — теперь от любой тени в страхе прыгать будут»

С этой приятной мыслью он сложил руки на животе и вскоре погрузился в безмятежный сон.

***

Когда деревенские разошлись, в доме Тао тоже погасили огни. Ян Цюэ прижался лбом к плечу мужа и тихо спросил:

— Откуда бы змее в постели взяться?

Тао Синван качнул головой:

— Под одеялом тепло, вот она и пригрелась.

Сун Хуань же мельком глянула в сторону комнаты сына. Сердце подсказывало ей, что в этой истории не обошлось без проказ её старшего сорванца.

Ночь прошла спокойно. Едва пропели первые петухи, мужчины семьи Тао уже были на ногах. Пока небо ещё не начало светлеть, Тао Да взвалил на плечо тяжёлую сеть, а его братья покатали телегу к рыбному пруду.

Вылов рыбы требовал лезть в воду, а в зимнюю пору она обжигала холодом. Спасали только высокие непромокаемые штаны из плотной кожи — когда-то Циньюй сам упросил домашних сшить их. Они хоть немного защищали от ледяной сырости.

Облачившись, Тао Да и Тао Синван спустились в пруд. Расправив сеть, они разошлись по разным сторонам. Медленно двигаясь вброд, мужчины тянули невод, ногами взбаламучивая воду и сгоняя рыбу к одному краю. Вскоре тишину утра нарушил дробный плеск — испуганная рыба забилась в сетях.

На берегу Тао Синлун уже приготовил кадки с водой. К этому времени проснулись Тао Циншу и Тао Цинцзя.

Циньюй поднял голову: луна всё ещё висела в вышине, окружённая россыпью ярких звёзд. Воздух наполнился предрассветной свежестью. В прошлой жизни такую красоту можно было увидеть лишь где-нибудь в глуши, вдали от городов, а здесь это стало частью его повседневности.

— Папа, много рыбы? — спросил юноша, присев на корточки у самой кромки воды и наблюдая, как отец с дядей стягивают края сети.

— Сотни полторы наберётся.

— На сегодня хватит, — кивнул Циньюй.

Второй дядя скомандовал:

— За дело, ловим!

Работа спорилась. Под мерцающим светом звёзд рыбаки трудились не покладая рук. Когда две большие кадки наполнились серебристым уловом, в сети почти ничего не осталось. Мелких мальков бережно выпустили обратно — пусть подрастают до весны.

Мужчины выбрались на берег; в их кожаные штаны всё же набралось немного ледяной воды. Небо уже начало алеть. Мешкать было нельзя — в тесноте рыба долго не проживёт. Отец бегом бросился в дом, переоделся и наспех проглотил две миски жидкой каши с лепешкой. Едва согревшись, он зашагал вслед за сыном к уезду.

Улова в этот раз было много, телега катилась тяжело, поэтому на подмогу пошёл крепкий третий дядя — по дороге они с Тао Да сменяли друг друга.

В уезд они прибыли, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Не успели они разгрузиться, как пошли первые покупатели. День был базарный, народу на площади прибывало, и торговля шла бойко. Циньюй зазывал прохожих, взвешивал и выбирал товар, а отец с дядей только и успевали потрошить рыбу.

К тому времени, как базар начал пустеть, в кадке осталось не больше полутора десятков хвостов.

— Хозяин Сяо Юй.

По одному только обращению Циньюй понял — пришёл учитель Фан. Прежде он бы и глазом не моргнул, но после тех утренних расспросов родни парень почувствовал странное замешательство. Он просто не знал, как теперь смотреть в глаза Фан Вэньли.

Тао Да и Тао Синван, похожие и статью, и неразговорчивым нравом, замерли. Они переводили взгляды с сына на учителя и обратно, напрочь позабыв о вежливости.

«А ведь и впрямь хорош, — размышлял третий дядя. — У племянника глаз — алмаз»

Тао Да же приглядывался придирчиво:

«Холоден больно. Да и лицом слишком пригож — не заглядывались бы на такого чужие гээры»

Цинъюй ждал, что кто-то из старших заговорит, но его отцы словно онемели. Пришлось ему самому натянуть улыбку.

— Какую рыбу вам выбрать, учитель Фан?

— Самую большую. И остались ли у вас ещё побеги бамбука? — Фан Вэньли легко разгадал мысли мужчин, но держался так безупречно, будто и впрямь пришёл только за покупками.

— Бамбук! — Цинъюй хлопнул себя по лбу. — Совсем из головы вылетело!

«Как можно так неосторожно с собой обращаться?» — Фан Вэньли невольно дернул рукой, желая остановить юношу, но тут же заставил себя замереть.

Братья Тао заметили эту мгновенную тревогу учителя за их сына, и всё им стало ясно. Действительно, он был равнодушен к Юй-гээр. Слово подтверждая их догадки, учитель повернулся к ним и почтительно поклонился:

— Дядя Тао. Дядя Тао Синван.

Старший Тао опешил и лишь спустя мгновение медленно выдавил из себя:

— М-м.

Он обменялся взглядом с братом. Кажется, это было прямое признание. Третий дядя едва заметно кивнул: похоже на то. Всем всё было понятно, и только сам Цинъюй, казалось, ничего не замечал.

Фан Вэньли, поймав недоуменный взгляд парня, мягко улыбнулся:

— Давненько я не пробовал зимних побегов. Сколько их там у вас? Я заберу все.

Тень сомнения мгновенно исчезла с лица юноши. Он с готовностью вытащил корзину, припрятанную за кадками.

— Тут на добрую половину корзины наберётся. По пять монет за цзинь.

— Хорошо, — отозвался Фан Вэньли.

Тао Да почувствовал укол ревности и отвернулся, чтобы не смотреть на них. Он уже смирился с тем, что сын засидится в девках, и тут — на тебе! — появляется этот учитель Фан. Третий же дядя, напротив, присматривался очень внимательно. Первый гээр в семье выбирает себе пару — тут глаз да глаз нужен. Будет о чём рассказать дома.

Циньюй же, ни о чём таком не думая, быстро взвесил ростки.

— Тут двадцать один цзинь, посчитаю как за двадцать.

— Договорились, — Фан Вэньли взглянул на выбившийся локон на лбу парня и добавил: — И рыбу.

— Сию минуту!

Тот выудил самого крупного карпа и протянул отцу. Но Тао Да даже руки не поднял, так что рыбу пришлось перехватить третьему дяде. Парень, занятый подсчётом денег, не придал этому значения.

— Побегу — сто монет, рыба — по десять за цзинь. Потянула на восемь цзиней. Итого — сто восемьдесят монет.

Вид этого весёлого «денежного мешка» невольно вызывал улыбку. Циньюй так забавно радовался выручке, что на душе становилось светлее. Фан Вэньли достал деньги, и парень принял их обеими ладонями, после чего с довольным видом спрятал в кошель.

Третий дядя тем временем сосредоточенно чистил рыбу, а Тао Да буравил учителя взглядом. Улучив момент, когда Циньюй отвернулся, Фан Вэньли ответил ему спокойным, исполненным достоинства взором и едва заметно склонил голову.

Тао Синван, заметив это краем глаза, спросил:

— Рыбий пузырь заберёшь?

— Заберу.

Синван одобрительно хмыкнул. Значит, не только тратить горазд, но и хозяйство вести умеет.

— На двоих-то рыбины многовато будет, пропадёт.

— Мы живём вдвоём с верным слугой, а у него отменный аппетит, всё съест.

«И слуга имеется, живёт в достатке. Семья маленькая — гээр мучиться не будет», — рассудил Тао Синван.

— На вид вы, господин, выглядите вполне солидно. Поди, и детками обзавелись?

— Мне двадцать два года. Сначала корпел над книгами, потом решил, что на ноги встать надо, прежде чем семью заводить. Так что пока не женат и детей не имею.

Циньюй в изумлении уставился на третьего дядю. Тот всегда был молчаливее отца, а тут вдруг разговорился! Парень перевёл взгляд на Фан Вэньли. Неужели этот человек обладает каким-то особым даром развязывать людям языки?

Учитель улыбнулся ему:

— У меня нет корзины для бамбука. Позвольте мне сходить домой за тарой?

Циньюй отмахнулся от своих мыслей:

— Да бросьте, я сам вам всё доставлю.

В его понимании, к доброму покупателю и отношение должно быть подобающее. Тао Да поднялся:

— Я отнесу.

— Ладно.

Синван тем временем закончил с рыбой, завернул её в банановые листья и положил поверх побегов. Тао Да вскинул корзину на плечо и посмотрел на учителя.

— Прошу вас, дядя Тао, — вежливо проговорил Фан Вэньли.

Учитель пошёл вперёд, указывая дорогу, а отец Циньюя зашагал следом. Когда они скрылись из виду, Тао Синван заметил, что племянник и бровью не повёл. Напротив, парень уселся на

освободившуюся скамеечку и спросил:

— Дядя, зачем ты его так расспрашивал? Мы с ним почти не знакомы, честное слово.

Тао Синван лишь коротко бросил:

— Знаю я всё.

И больше не проронил ни слова.

***

Переулок Цзиньфу

Тао Да сгрузил ношу у порога и уже собирался уходить, как Фан Вэньли произнёс:

— Дядя Тао, повремените немного.

Старший Тао замер и с суровым видом обернулся. Учитель отвесил ему глубокий, церемонный поклон.

— Прошу простить мою давешнюю дерзость.

Тао Да лишь буркнул в ответ:

— Спасибо, что не забываешь нашу лавку.

— Я делаю это лишь ради того, чтобы видеть хозяина Сяо Юя.

Эти слова прозвучали так просто и честно, что притворное безразличие Тао Да мигом испарилось. Он не был силён в красивых речах, но своего ребёнка готов был защищать до конца.

— Всё будет так, как решит сам сын.

Для Фан Вэньли то, что отец не стал противиться, уже было добрым знаком. Но раз уж всё тайное стало явным, он хотел добиться полного признания. Юноша опустил ресницы и заговорил искренне:

— С самого детства, когда я был заперт в стенах этого двора, больше всего на свете я ждал момента, когда услышу за воротами звонкий голос Юй-гээр. А когда подрос и впервые вышел за порог, то, увидев его, понял: это тот человек, которого я хочу назвать своим супругом. Мои чувства не случайны.

Отец Цинъюя, хоть и не выказал радости, в душе признал его правоту. Этот человек покупал у них рыбу пять или шесть лет кряду. С ним он всегда был вежлив, но по-настоящему его лицо светлело только тогда, когда рядом был Цинъюй. Вспомнив недавние слова своего мужа, Тао Да наконец сложил все кусочки этой картины воедино.

Пока он обдумывал ответ, Фан Вэньли вдруг огорошил его:

— Я уже выбрал подходящий день и хочу прислать сваху, чтобы просить руки вашего сына...

«Как же так? Сватовство! Неужели и впрямь — свадьба?!» — эта мысль громом поразила Тао Да. В голове зашумело, а слова учителя, звучавшие следом, пролетели мимо его ушей.

Как он вернулся к прилавку — Тао Да и сам не помнил. Сватовство! Неужели всё настолько серьёзно?

<http://bllate.org/book/15858/1442347>